

Глава 7

ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕТОПИСНОЙ ФОРМЫ

1. Основы летописания в исторических преданиях

Чем объяснить то огромное распространение, которое получает летопись в XI, XII и последующих веках? Откуда явилось такое беспрецедентное тяготение к историческим записям, по своей форме глубоко отличным и от византийской и от западно-европейской хронографии?

Кажется вероятным, что еще до того, как установилась летописная традиция в письменности, в устной практике уже существовало тяготение к систематизации исторических сведений. Фольклор всех народов на определенных стадиях развития тяготеет к „историзму“: исторические предания рода, историческая сказка, историческая местная легенда и т. д.

Типичный переход от исторического устного предания к историческим письменным произведениям представляют собою скандинавские саги.

Саги — ни что иное, как изустные летописи — летописи родов. Это „подробные родословные со всеми именами мужских и женских предков и рассказы о их жизни и подвигах“.¹ Они рассказывались не для забавы: их главная цель — образовательная. Исландские саги ценились за точные и обстоятельные сведения, даваемые о деятелях исландского самоуправления и происшествиях на острове.²

Такое отношение к сагам, как к изустной истории своего народа, побудило уже в конце XII столетия к их записыванию.

Записанные саги являлись своеобразными летописями родов, изложенными тем стилем, который был свойствен им еще в их устном предании. Характерно, что первые записыватели саг были настоящими историками, соотнося отдельные известия саг и снабжая их перекрестными ссылками. Однако сравнительно небольшое количество знатных родов в Исландии и ограниченность самого предания не позволили этим первым записям саг превратиться в настоящую историю народа. Саги не были соединены в единое произведение по истории всего народа. Летописи знатных скандинавских родов не были соединены в историю страны.

Иной была судьба устных родовых преданий на Руси. Исторические предания знатных родов существовали на русской почве так же, как они существовали повсеместно.

В частности, внимательный анализ киевского летописания XI — начала XII в. показывает, что многие записи сделаны

---

¹ С. Н. Сыромятников. „Саги скандинавского севера“, Сборник „Древне-северные саги и песни скальдов в переводах русских писателей“, СПб., 1903, стр. 254.

² См.: Ф. Д. Батюшков. „Древне-северные саги и сага о Финнбоге Сильном“, там же, стр. 216. Собственно родовые саги на русский язык не переведены. Типичная родовая сага недавно издана в переводе на английский язык: „The Vatnsdalers' Saga“. Translated by Gwyn Jones, New York, 1944.

в нем на основании устных рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яна Вышатича. О последнем летописец сам свидетельствует под 1106 г.: „от него же и аз многа словеса слышах еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах“.¹

Три поколения летописцев Киево-печерского монастыря были в дружественных отношениях с Вышатою и его сыном Яном на протяжении 1064—1106 гг.² Можно установить, что круг рассказов Вышаты и Яна Вышатича, использованных летописцами, был шире тех сведений, которые приписаны Вышате и Яну в исследованиях академика А. А. Шахматова.³ Повидимому, эти рассказы были связаны с преданиями их древнего рода, судьбу которого можно проследить в летописи на протяжении семи поколений.

В самом деле, Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, с именем которого связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности — знаменитое Остромирово евангелие 1056—1057 гг. Об этом прямо заявлено в летописи: „бежа Ростислав Тьмутороканю, сын Володимерь, вьнук Ярославль, и с нимь бежа Порей и Вышата, сын Остромирь воеводы Новьгородьского“.⁴ Остромир

¹ Лаврентьевск. лет., 1106 г.

² Никон, составитель Начального свода 1093 г. и Нестор летописец.

³ А. А. Шахматов, „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб., 1908, стр. 226 и др.

⁴ Ипатьевск. лет., 1064 г. В последнее время М. Д. Приселков („История русского летописания XI—XV вв.“, 1940, стр. 18) высказал сомнение в правильности этого указания летописи. В Повести временных лет сказано, что к моменту смерти Яна Вышатича в 1106 г. ему было 90 лет. В таком случае отец Яна — Вышата должен был быть сверстником Остромира и не мог приходиться ему сыном. Между тем легче допустить ошибку летописца в определении возраста Яна, чем в определении отца Вышаты. Число 90 обычно употреблялось в качестве эпического определения преклонного возраста. Ср., например, в былинне о Василии Буслаевиче: „А и жил Буслай до девяносто лет“ (К. Д а н и л о в, № 9), или: „жил Святослав 90 лет“ (Г и л ь ф е р д и н г, № 73). Естественно, что летописец, записавший от Яна Вышатича ряд рассказов о весьма отдаленных временах, несколько преувеличил возраст своего корреспондента и прибег к обычному определению старости. Если

же был сыном новгородского посадника Константина. Факт этот в свое время был установлен еще известным археологом Д. И. Прозоровским.¹ Константин был сыном новгородского посадника Добрыни² — будущего героя русских былин — Добрыни Никитича. Добрыня же был сыном Малка Любечанина или Мстиши-Люта Свенельдича,³ а этот последний — сыном знаменитого в русских летописях воеводы Свенельда.⁴ Судьба всех этих предков Яна Вышатича отражена в летописи на основании устных рассказов Вышаты и самого Яна.

Если же признать указаный летописцем возраст Яна правильным, то мы должны были бы прийти к заключению, что в 50 лет Ян пользовался еще очень малой известностью, состоя дружинником черниговского князя; в 70 лет Ян достиг поста тысяцкого в Киеве; в 80 лет был в зените своей деятельности и вел чрезвычайно энергичную политику и только после был отстранен от политической деятельности „уными“ дружинниками Всеволода, а затем и Святополка по политическим соображениям, хотя и после стремился попрежнему вступить в политическую борьбу своего времени, а накануне своей смерти участвовал в походе против половцев, победил их и преследовал на огромном расстоянии от Заречьска до самого Дуная. Аналогичная неточность в определении возраста идеализируемого князя имеется в „Слове о князех“ (Памятники древней письменности, ХСVIII, 1894, стр. 9): возраст Давида Святославича определен в „Слове“ как девяностолетний; на самом деле Давид умер гораздо моложе.

¹ Д. И. Прозоровский доказывает это припиской в так называемом „Остромировом евангелии“ 1056—1057 гг., где Остромир назван „близоком“ князя Изяслава, т. е. его дальним родственником. Остромир не князь и не мог быть князем как посадник. Среди посадников мы, вообще, почти и не встречаем людей княжеских фамилий. Поэтому, — утверждает Д. И. Прозоровский, — посадника Остромира следует рассматривать как сына посадника Константина, который в свою очередь был сыном „уя“ (дяди) Владимира I — Добрыни.

² Ср., например, в Лаврентьевской летописи под 1018 г.: „посадник Коснятин сын Добрынь...“

³ О том, что отец Добрыни был Малк Любечанин прямо говорится в Повести временных лет под 970 г., где приводятся данные о происхождении Добрыни и князя Владимира. Шахматов установил, что отец сестры Добрыни Малуши-Малфреды древлянский князь Малк Любечанин идентичен с Мстиславом Лютым.

⁴ См. под 945 г. о Свенельде: „тоже отец Мстишиа“.

Глава XIV „Разысканий о древнейших русских летописных сводах“ А. А. Шахматова — „Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича“, чрезвычайно ценная по своим материалам и выводам, целиком посвящена отцу и деду Добрыни — Мстише Люту Свенельдичу и Свенельду. Выводы этой главы „Разысканий“ А. А. Шахматова дают важный материал, подтверждающий существование устного предания о роде Яна Вышатича.

В своем исследовании А. А. Шахматов пришел к выводу о резком расхождении в сведениях о Мстише-Люте и Свенельде между Древнейшим сводом и сводами более поздними — конца XI — начала XII в. И тут, и там отразились два различных ряда исторических преданий о Свенельде и его сыне.

Первоначальный вариант устных исторических преданий о Свенельде тесно связывал Свенельда с убийством Игоря. Игорь дал Свенельду право сбора дани в Деревской земле. Повидимому, в Древнейшем своде читалось об Игоре: „И бе у него воевода именьмь Свенельд. И иде Игорь... И примучи угличе и възложи на ня дань и въдасть Свенельду; и дасть же дань деревьскую Свенельду; и имаше по чърне куне от дыма. И реша дружина Игорева: се дал еси единому мужеви мьного отроци Свенельжи изоделися суть оружием и пьрты, а мы нази“ и т. д.¹ Побуждаемый ропотом дружины Игорь идет походом в Деревскую землю. Свенельд не отказывается от прав на Деревскую дань. Игорева дружина сражается с дружиной Свенельда и подданными Свенельда — древлянами. В происшедшем столкновении Игорь убит сыном Свенельда — Мстишей (Мстиславом Лютым).²

В последующем летописании этот ход события резко изменен. Изменения эти очень важны своею тенденциозностью. Изменено начало рассказа об уступке Игорем дани Свенельду. Иному освещению подвергся самый ход столкновения Игоря с древлянами. Мстиша-Лют находится уже на службе у киев-

¹ „Разыскания...“, стр. 106 и след.

² Там же, стр. 365.

ского князя, не он убивает киевского князя, а его самого убивает древлянский князь, когда он зашел на его землю. „Исключен всякий намек на то, что убийство Игоря возникло в конце концов на почве соревнования дружины Игоревой с дружиной Свенельда...“¹

На основании позднейших устных сказаний летописец конца XI в. стремится всячески подчеркнуть, что и Свенельд, и его сын Мстиша не враждебны киевскому князю, но что они его верные слуги. Характеризуя этот второй слой устных преданий о Свенельде и Мстише и работу позднейшего редактора-летописца, А. А. Шахматов пишет: „Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой рассказ, отступивший от основного источника, и устранить мысль о том, что Игорь убит Свенельдом и Мстишей — этими народным героями, а не самими древлянами“.² „Устраняя из лагеря противников киевского князя Свенельда и Мстишу, — пишет А. А. Шахматов, — составитель Начального свода руководствовался таким источником, который прямо называл их слугами и приверженцами этого князя“.³

Обратим внимание на еще одну тенденциозную вставку, сделанную в рассказе о возвращении Святослава на Русь из Болгарии. Свенельд советует Святославу не идти мимо порогов: „пойди, княже, около на коних: стоять бо печенежи в порозех. И не послуша его, нъ поидоша в лодьях“.⁴ Ослушание Святославом Свенельда ведет к его гибели.

А. А. Шахматов не мог точнее определить этот устный источник и причину сочувствия этому устному источнику летописца-редактора. Однако зная, что Свенельд и Мстиша были предками Яна и Вышаты, что Ян и Вышата были в дружественных отношениях с тремя поколениями летописцев, ясно видим вызывавший сочувствие летописцев устный источник — это родовые предания их друзей Яна и Вышаты.

¹ Там же, стр. 367.

² Там же, стр. 369.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 370.

Героизация своего рода, настойчивое, упорное подчеркивание преданности своего рода роду киевских князей характерны для всего цикла родовых преданий Яна и Вышаты.

Все летописные известия о Добрыне, которые А. А. Шахматов считает также зависящими от устного предания, имеют ту же родовую тенденцию. В летописной статье 970 г. подробно рассказывается о родстве Добрыни и князя Владимира: Добрыня „уй“ (дядя) Владимира. Затем говорится о том, что Владимир I Святославич стал новгородским князем при помощи Добрыни: Добрыня посоветовал новгородцам просить к себе на княжение Владимира. С этим рассказом явно связано сообщение 980 г. о сватовстве Владимира к Рогнеде. Сообщение это о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери полотского князя Рогволода, об отказе Рогнеды пойти замуж за сына рабыни и о последующем походе Владимира на Полотск и о захвате Рогнеды в то самое время, когда ее уже хотели вести к Ярополку, развит характерными подробностями в рассказе Лаврентьевской летописи 1128 г. о том же сватовстве Владимира к Рогнеде. Там в активной роли выступает Добрыня „храбор и наряден мужь“. Характерна и тут специфически „родовая“ точка зрения рассказчика. Владимир — племянник Добрыни по матери. Эта мать Владимира и сестра Добрыни была ключницей — по имени Малуша (дочь Мала). За нее то Рогнеда и укоряет Владимира именем „робичича“ (сына рабыни), но „робичичь“ Владимир оказывается все же удачливее своего более высокого по рождению брата Ярополка. Гордая Рогнеда достается именно ему, а не Ярополку.

Под 980 г. снова говорится о Добрыне и снова упоминается о том, что он приходится дядей Владимиру. Владимир выгнал из Новгорода посадников Ярополка, — „родового“ врага своего и Добрыни, — сменив их, повидимому, Добрыней. Ярополк снова посрамлен, и кем же? — дядею Владимира по матери-рабыне — Добрынею.

Под 985 г. рассказывается о походе Владимира и Добрыни на болгар. Вновь подчеркивается, что Добрыня приходился дядею Владимиру; вновь Добрыня выступает в активной роли,

покровительственно относясь к пассивному Владимиру: после победы над болгарами Добрыня говорит Владимиру: „съглядах колодник, ози суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искат лапотников“.¹

В те же отношения, что Свенельд и Святослав, Добрыня и Владимир, вступает и сын Добрыни — Константин с Ярославом. Испорченный текст известия 1017 г. „Ярослав иде и погоре церкви“ А. А. Шахматов на основании одной записи в росписи князей новгородских в поздних новгородских сводах предлагает читать, с известной долей вероятности, следующим образом: „Ярослав, идя Киеву, посади Новегороде Костянтина Добрынича“.² В следующих новгородских известиях посадник Константин, сын Добрыни, играет ту же активную роль, что и его отец. После победы Болеслава Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже бежать дальше за море, но новгородцы во главе с Константином, сыном Добрыни, рассекли лады Ярослава, а затем заявили: „хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь“.³ Новгородцы собрали деньги, снарядили дружину, и Ярослав вышел победителем в борьбе, заняв киевский стол. Как Владимир был обязан княжением Добрыне, так Ярослав обязан киевским столом его сыну Константину Добрыничу.

С Остромиром не связано в летописи определенных преданий, но он сам заявил о своем родстве князю Изяславу в приписке к Остромирову евангелию (см. выше).

Что же касается до Вышаты, то в его рассказах о собственных подвигах — опять присутствует та же „родовая“ тенденция. В одном из летописных сводов второй половины XI в. рассказ о поражении сына Ярослава — Владимира в 1043 г. был переработан так же, как были переработаны и рассказы о Свенельде и Мстише-Люте. В летописную статью 1043 г. были сделаны вставки. Можно считать достоверным, что вставки

¹ Лаврентьевск. лет., 985 г.

² „Разыскания...“, стр. 178.

³ Лаврентьевск. лет., 1018 г.

эти были сделаны на основании рассказов Вышаты или Яна Вышатича. В этих вставках подчеркнуто воеводство Вышаты, причем так, точно Вышате принадлежало главное воеводство, хотя в первоначальном рассказе воеводой значился Иван Творимирич.

И Вышата, и Ян рассказывали, кроме того, летописцам о своей борьбе с волхвами, о сборе полюдья в Белозерском крае (1071 г.).

Кроме родовой тенденции, в рассказах Вышаты и Яна Вышатича о своих предках отчетливо выступают и ноты личной обиды. И Вышата, и Ян сблизились с летописцами уже на закате своей служебной карьеры. Летопись указывает, что Всеволод стал „любить смысл уных“ дружинников и отодвигать „первых“ (т. е. прежних). В числе обиженных был и Ян Вышатич. Старые дружинники упрекали Всеволода в том, что они „вирами и продажами“ разоряли свою собственную землю, а не в далеких походах¹ искали наживы для прокормления себя и дружины.

Служебные неудачи Вышаты и его сына Яна Вышатича, их воззрения на политические события своего времени превосходно объясняют характер сообщенных ими сведений о своих предках. С упорством обиженных подчеркивают Вышата и Ян Вышатич свое родство роду киевских князей. Выяснение этого родства через Малушу составляет один из существенных моментов летописных известий о Добрыне. Свое родство с Изяславом подчеркивает Остромир. Напомнить о своих родственных отношениях входило в задачи Вышаты и Яна. И Вышата, и Ян упорно говорят о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание послушать совета Свенельда послужило причиной гибели Святослава. Владимир неоднократно исполнял советы Добрыни и даже добился руки полоцкой княжны Рогнеды благодаря содействию Добрыни. Владимир — вообще любимейший князь этих устных

¹ См. об этом подробнее: М. Д. Приселков. „История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 19.

преданий. Неоднократно подчеркивается его большая удачливость сравнительно с братом от другой матери — Ярополком. Это и понятно: именно Владимир, а не Ярополк, был племянником Добрыни по матери Малуше. Владимир же изгнал из Новгорода посадников Ярополка, посадив на их место Добрыню. Слушается советов сына Добрыни Константина и Ярослав. Именно Константину был сязан Ярослав своей победой над Святополком и дальнейшим вокняжением в Киеве. Тенденциозность этих рассказов ясна — в них подчеркивается, что киевские князья не гнушались советов „смысленных людей“, как гнушаются ими нынешние, предпочитающие им молву „несмысленных“.

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что в деятельности всех решительно представителей рода Вышаты и Яна отмечаются их дальние походы, их сборы даней и полюдья, что должно было служить косвенным упреком современным им князьям, которые не думают о сборе дани с соседних народов, предпочитая „вирами и продажами“ разорять собственное население. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мстише-Люте. О сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян отмечают именно эти далекие походы, участниками которых они были: на Константинополь (Вышата), за сбором полюдья в Белозерье (Ян).

Предания о роде Яна Вышатича и Вышаты были известны, однако, не только в узких пределах этого рода. Они получили широкое распространение.

Уже в 1128 г., через 22 года после смерти Яна, летописец привлек исторические предания о Добрыне для объяснения родовой вражды полоцких князей рогволодовичей с ярославичами. Изложив под этим годом некоторые события в Полоцком княжении, летописец переходит к изложению предания о Владимире I Святославиче и Рогнеде, в котором в активной роли выступает и Добрыня. Историческое предание это летописец передает уже не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указыва-

ют первые же слова рассказа: „о сих же Всеславичих сице есть яко сказаша ведущии прежд“.¹ Далее летописец рассказывает как Владимир, княживший еще в Новгороде, послал своего воеводу Добрыню к Рогволоду просить руки его дочери Рогнеды. Рогнеда не пожелала выходить замуж за „робичича“ — сына Малуши („она же рече: «не хочю розути робичича»“). Владимир гневается и жалуется Добрыне. Добрыня же „исполнися ярости“, идет походом на Полотск, берет город приступом, а Рогволода, жену его и дочь уводит в плен. Владимир убивает Рогволода и женится на Рогнеде, назвав ее Гориславой.

Эпизод этот сохранен русским героическим эпосом в былинном сюжете о Добрыне-свате. Но рассказ на этом не прерывается, и дальше сообщается легендарная история ссоры Владимира и Рогнеды, во время которой малолетний сын их Изяслав вступает за мать с мечом в руках.

Приведя это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: „и оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлих внуком“,² мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания.

Итак, перед нами ясное свидетельство того, что уже в начале XII в. предания о Добрыне, выделившись из родового предания потомков Свенельда, получили широкое распространение в народе.

Исследователями давно отмечена связь современных былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями о нем же. Обратим внимание на некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в былинах, и в летописи занимается сбором дани с соседних народов. Как в тмутараканском предании, в котором русские первоначально платили дань казарам, а затем сами стали ее собирать с них, так и в былинах Добрыня вместо того, чтобы отвезти дань Идолищу, сам собирает ее и при-

¹ Лаврентьевск. лет., 1128 г

² Там же, 1128 г.

возит Владимиру. Вместе с тем былины подчеркивают родство Добрыни и Владимира, подобно тому, как это делает летопись. В былинах Добрыня „племянник“ Владимира, т. е. его родственник — „соплеменник“ (см. Толковый словарь Даля). Значение этого слова в древне-русском языке также не вызывает сомнений: это родственник, соплеменник.¹

В русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна Вышатича не только воспоминания о Добрыне. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добрыни-Мстише, его сестре Мальфредь Мистишине, сыне Константине, брате Яна Вышатича — Путяте, о самом Яне Вышатиче и др.

На исторический прообраз Никиты Залешанина в лице Мистиши Древлянина было указано еще А. А. Шахматовым в „Разысканиях“: „...былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. В виду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний о самом Мстише, которого ждем, между прочим, в виде Никиты.

Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина;² замечательно, что он богатырь не киевский, — поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей.³ Мальфредь Мистишну или Мстиславну следует, быть может, видеть в Мар-

¹ См.: И. И. Срезневский. „Материалы для словаря древне-русского языка“, т. II. Наше же значение слова „племянник“ последовательно передается в древней Руси словом „сыновец“.

² Ср. Песни Киреевск., IV, 46 (примеч. А. А. Шахматова).

³ Напр. Песни Киреевск., IV, 46 (примеч. А. А. Шахматова).

фиде Всеславьевне, хотя повидимому, самый образ Марфрида заимствует у Запавы Путятичны".¹

В числе воевод, разбивших в 1106 г. половцев у Заречьска, Ипатьевская летопись упоминает брата Яна Вышатича — киевского тысяцкого Путятю, двор которого был разграблен во время бунта киевлян против Святополка. Это известное в свое время лицо Вс. Миллер считал возможным отождествлять с былинным Путятиным Путятовичем² в былине о Даниле Ловчанине,³ возводить к нему отечество Запавы Путятичны и некоторые отголоски народных сказаний о Добрыне и Путяте в истории Татищева.⁴ Якимовская летопись, как известно, делает Путятю сотоварищем Добрыни и современником Владимира I Святославича. Нельзя видеть в этом исторического свидетельства существования какого-то второго Путяты, отличного от Путяты времени Владимира Мономаха, так как сама Якимовская летопись использует народные предания, в которых объединены в единое лицо Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах.

Характерно, что Запава Путятична называется иногда племянницей князя Владимира, чем подчеркивается принадлежность обоих к одному роду. С Путятой Вышатичем, братом Яна, связан и другой герой русского эпоса Казарин, которого Вс. Миллер не без основания отождествляет с летописным воеводой Казариным — сотоварищем Путяты Вышатича и Яна Вышатича по походу на половцев в 1106 г.⁵

¹ „Разыскания...“, стр. 378.

² Вс. Миллер. „Очерки русской народной словесности“, т. II, 1910, стр. 28 и след.

³ Киреевский, III, стр. 29.

⁴ Вс. Миллер. „Очерки...“, стр. 28 и след. Необходимо отметить, что время княжения Владимира описано в Якимовской летописи „со многими пирами и веселием“ („История российская“, кн. 1, ч. 1, М., 1768, стр. 38) и подверглось, очевидно, значительному влиянию со стороны былин.

⁵ Вс. Миллер. „Очерки...“, т. II, глава „К былине о Казарине“, стр. 1—31.

Наличие в X—XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникло в летопись и сохранилось в современном былевом эпосе, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений.

Участие носителей устного родового исторического предания Вышаты и Яна Вышатича в летописании знаменательно. Несомненно, что из всех видов исторического эпоса — именно родовое предание по огромному периоду времени, которое оно охватывало, ближе всего стояло к летописанию. Родовые предания и в самом деле могут быть определены как своего рода устные „летописи“. И не случайно, что родовые предания скандинавского севера начинают так рано записываться, заменяя собой отсутствовавшую на севере летопись.

В русских условиях летописание более чем на столетие обогнало первые записи скандинавских саг, оно также основывалось, главным образом вначале, на устных преданиях. Но оно не клало в свою основу лишь одно устное предание. Летописец использует многие предания, многие формы исторического эпоса, заносит из них лишь те сведения, которые имели общий интерес, и как историк выбирает из различных версий ту, которая кажется ему наиболее достоверной.

Значение родовых преданий и генеалогий в образовании первых исторических письменных памятников было полностью осознано еще В. С. Иконниковым: „Первую ступень исторического предания составляет генеалогия, сохранение замечательных имен, связанных первоначально, как например, в Египте, с вещественными памятниками, до тех пор, пока не является на помощь письменность, прежде которой немислима историография... Постепенно, с присоединением к генеалогическим данным событий и замечательных подвигов, генеалогия переходит в хронику“.¹

¹ „Опыт русской историографии“, т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. 20.

Вышата и Ян Вышатич, по свидетельству самого летописца, передавшие ему для записи свои предания, наглядно иллюстрируют этот переход генеалогии в хронику.

Сложная работа, которую производили летописцы, сводя в единую историческую картину различные устные предания, в значительной мере нивелировала особенности каждого предания, однако, огромная роль этих преданий в выработке самой летописной формы не подлежит сомнению.

2. Прямая речь в летописи

Одна из самых характерных особенностей русской летописи, резко отделяющих летописное изложение от изложения византийских и западно-европейских хроник, — это обилие случаев прямой речи. Обилие прямой речи, вкрапливаемой в летописное повествование, не может быть объяснено только тем, что древне-русской литературе в целом была более свойственна прямая речь, чем косвенная, что синтаксис русского языка XI—XIII вв. не выработал еще всех форм косвенной речи. В других жанрах русской средневековой литературы прямая речь встречается гораздо реже, чем в летописи, причем прямая речь в летописи отличается своим жизненно-конкретным, а не вымышленным характером. Это не книжная, а живая, устная речь, близко отражающая действительно произнесенные слова. Именно в прямой речи летописи более всего ощущается зависимость летописи от самой жизни. Русские летописи с поразительной точностью заносили сказанные в исторических обстоятельствах слова, они верно сохраняли все формулировки.

Чтобы понять, каким образом летописец мог относительно верно знать речи, которым он не был послухом, и почему именно русские летописцы так единодушно добросовестно относились к прямой речи, стремясь к дословному ее воспроизведению, следует несколько остановиться на том, чем была устная речь в русской дипломатической, воинской и вечевой практике XI—XIII вв.

* * *

И в XI, и в XII, и в XIII вв., а частично и значительно позднее все дипломатические переговоры на Руси велись устно — через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересылались между собою грамотами. Их вполне заменяли „речи“, точно передававшиеся послами и более или менее точно заносившиеся в летопись.

Повесть попа Василия об ослеплении Василька Теробовльскаго, включенная в Повесть временных лет под 1097 г., живо и конкретно передает самую процедуру посылки посла и выполнения им дипломатического поручения. Василий был непосредственным участником переговоров 1097 г., и свидетельство его представляет поэтому особенную ценность: И Давыд (ослепитель Василька), и Василько призывает выполнявшего дипломатические обязанности Василия, усаживают его как равного, беседуют с ним и отдельно сообщают ему те „речи“, которые Василий должен был передать по назначению. Замечательно, что поручение сообщается Василию в форме прямой речи от лица посылающего: „иди к Давыдови и рци ему: «пришли ми Кульмея»“ (слова Василька Василию).

Из этого рассказа попа Василия выясняется, что посол посылая не с грамотами, а с „речьми“. Это выражение „послать с речьми“ встречается в летописи неоднократно: оно есть и в Ипатьевской летописи, и в Лаврентьевской, и в Новгородской.¹

Когда переговаривающиеся стороны взаимно посылают друг к другу послов, летопись применяет выражение „сослаться речьми“.²

¹ Так, например, под 1140 г. в Ипатьевской летописи рассказывается, „и посла Вячьслав и Изяслав Мьстиславичь послы свои к Всеволоду с речьми, рядитися...“ Под 1151 г. в той же Ипатьевской летописи говорится, что Изяслав Мстиславич послал „с речьми“ к венграм, причем следует отметить, что одни из этих „речей“ предназначены для венгерского короля, а другие, отдельно, для его подданных.

² „И ста Святополк в граде, а ляхове на Бугу, и сослася речьми Святополк с ляхы“ (Лаврентьевск. лет., 1097 г.).

Из летописи видно, что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались „речи“, которые посол не мог изменять по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица — от лица пославшего. В общий наказ послу входило, например, поручение передать поклон, спросить о здоровье и т. д.¹

Приехав по назначению, и перед тем, как передать порученные ему „речи“, посол обычно объявлял: „тако ти молвить князь“, „а тако ти глаголеть“ и т. п.²

Характерно, что термин „править посольство“ относился первоначально только к той части переговоров, в которой посол передавал порученные ему речи, но не к выполнению других обязанностей посла. Это отчетливо видно из подробного описания под 1288 г. в Ипатьевской летописи посольства перемышльского епископа Мемнона к Владимиру Васильковичу: „Пр сла же потомь ко Володимеру Лев епископа своего перемышлескаго, именовь Мемнона. Слуги же его поведаша ему: «владыка, господине, приехал». Он же рече: «который владыка?» Они же поведаша: «Перемышлеский, ездить от брата

¹ Вот как, например, отряжал своего посла к Юрию Долгорукому Вячеслав Киевский. Вячеслав передает Юрию весь ход своих отношений с Изяславом, а потому просит его и его брата Ростислава присутствовать при самом „отряжении“ своего посла, как живых поручителей его правды: „Вячеслав же рече мужеви своему: «поеди к брату Гюргеви, брата от мене целуй»; а вы брата и сына, Изяславе и Ростиславе, слушайте, перед вами и отряжу; тако молви брату моему: «аз есмь, брате, тебе (т. е., конечно, Юрию, а не послу) много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьянскы, ни погубита Рускы земле...»“ и т. д. (Ипатьевск. лет., 1151 г.).

² В 1149 г. посол Изяслава явился к Святославу: „И рече ему (Святославу) посол Изяславль: «тако ти молвить Изяслав, брат твой...»“ (Ипатьевск. лет., 1149 г.); а затем объявил и самые „речи“ Изяслава. Послы князя Глеба, отправленные к Михаилу Переяславскому, „устроиша и [Михалка], рекуще: «Глеб ся кланяеть, река: «аз всемь виновать, а ноне ворочю все...»“ и т. д. (Лаврентьевск. лет., 1176 г.). Посол Болеслава к Шварну так выполнил свое поручение: „посол же рече Шварнови: «тако ти молвить князь Болеслав: «я на Литву не жалую...»“ и т. д. (Ипатьевск. лет., 1268 г.).

ть ото Лва». Володимер же бе разумеа древняя и задняя, на што приехал, посла по него. Он же воїде к нему и поклонився ему до земле, река: «брат ти ся кланяеть». И веле ему сести. И нача посольство правити: «брат, ти, господине, молвить: стрый твой Данило король, а мой отець, лежить в Холме...»¹ и т. д.¹

Записывая в летопись о том или ином посольстве, о тех или иных переговорах, летописец обычно опускал подробности отъезда и приезда посла, опускал даже иногда самые сведения о посыле, не упоминал его вовсе, но стремился сохранить самое существенное — «речи». Летописец всегда записывал их в той форме, в которой они были поручены послу или произнесены им, т. е. в форме обращения от лица пославшего, и никогда не передавал их от лица посла.²

Поручая «речи» послу, посылавший всегда употреблял форму прямого обращения к тому, к кому он посылал посла; например: «Володимери же мужи [и] Изяслави рекоша ему [послу]: «брат ти [т. е. Изяславу, а не послу] молвить Володимер и Изяслав мы есме хрест целовали, яко всим нам быти за один, а ве, брате, доспеваеве; а ты, брате, такоже доспевай»»³.

Такое игнорирование личности посла, передача через него «речей» в форме строго личного обращения, очень часто приводило исследователей к мнению, что «речи» эти пересылались в письменной форме. Между тем порядок этих пересылок

¹ Ипатьевск. лет., 1288 г.

² «И посла Мьстислав по Ярослава, глаголя: «сяди Кмеве, ты еси старейшей брат; а мне буди ся сторона»» (Лаврентьевск. лет., 1024 г.).

³ Ипатьевск. лет., 1149 г. Также строго от лица князя обращается и посол Изяслава Мстиславича к черниговским князьям Владимиру и Изяславу Давидовичам: «И рече им Изяславль посол: «аже устоите у крестьвом целованьи, и я в [Изяслав, а не произносящий эти слова посол Изяслава] вам, брата, являю: тако ми вошло во уши, оже мя ведете лестью, а ко Святославу есте хрест целовали к Ольговичю, яко на сем пути вам любо мя яти, любо убити в Игоря место, а есть ли то, братья [братьями мог называть Владимира и Изяслава Давидовича, конечно, только Изяслав Мстиславич, а не его посол], тако, или не тако»» (Ипатьевск. лет., 1147 г.).

„речью“ отмечен в летописи еще для такого периода, когда русские послы явно не могли передавать письменных поручений. В тех же выражениях рассказывает летописец о посольских сношениях Ольги, Святослава и др.¹

Передача „речей“ от лица посылающего со строгим соблюдением форм личного обращения князя не была вызвана тем, что посол рассматривался как безличный и механический передатчик. Послы в древней Руси никогда не были только гонцами. В послы выбирались „лучшие люди“.² Известны случаи, когда князья посылали послами своих сыновей. В 1128 г. Мстислав Владимирович отправил послом сына своего Ростислава; в 1151 г. Изяслав Мстиславич отправил в посольство сына Мстислава и т. д.

Объяснение, думается, лежит в ином: посол, передавая „речи“ князя, во всех случаях являлся его заместителем, фактотумом. Посол говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи „речей“ этим пославшим. Поэтому-то и оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало.³

Таков был общий порядок исправления посольских обязанностей в древней Руси XI—XIII вв. Порядок этот был резко отличен от греческого, где все дипломатические сношения велись грамотами. Русская летопись отметила это различие. Под 1164 г. летописец рассказал, что епископ Антон, „родом гречин“ послал грамоту к Святославу Всеволодовичу. Характерно при этом, что, передавая содержание этой грамоты, летописец прибегает к тому же термину „река“, к которому привык и при передаче устных „речей“ послов: „исписав грамоту и посла к Всеволодичю, река тако...“.⁴ Из русских

¹ Ср. под 946 г.: „И стоя Ольга лето, не можаше взяти града, и умысли сице: посла по граду, глаголющи...“; ср. также под 971, 980 и др. годами.

² Ср. в Лаврентьевск. лет. под 971 г.

³ См. в Ипатьевск. лет. под 1174 г. об оскорблении, нанесенном Андрею Боголюбскому в лице его посла.

⁴ Там же, 1164 г.

князей только Владимир Мономах, также родом „гречин“ (по матери), посылал „грамотицу“ князю Олегу Святославичу. Однако с другими русскими князьями Мономах никогда не пересылался грамотами, строго придерживаясь русского обычая пересылки „речьми“.

Характерна встреча обоих обычаев — греческого письменного и русского устного при заключении договоров с греками 945 и 971 гг. Русские послы правили свое посольство согласно русскому обычаю — устно, но греки записывали речи русских послов, вводя тем самым „речи“ русских послов в традиции своей собственной посольской практики. „Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники. Приве доша Руския слы, и велеша глаголати [и] писати обоих речи на харатье“.¹ „[И] повеле писцю писати вся речи Святославле [переданные через посла] на харатью; нача глаголати сол вся речи и нача писець (писець) писати. Глагола сице...“.²

Русский обычай „ссылаться речьми“, а не грамотами, был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси, но тем не менее и позднее, даже спустя несколько веков после введения письменности, русские послы попрежнему изустно говорят порученные им „речи“, не занося их на грамоты. Развитие письменности не изменило этого обычая, хотя не подлежит сомнению, что большинство русских послов, как, например, поп Василий, игумен Федос, Петр Бориславич и др. — были людьми хорошо грамотными, а иногда и незаурядными писателями.

Поразительно, что даже тогда, когда русские послы стали составлять подробные и литературно безупречные отчеты о выполненных ими дипломатических поручениях, включавшиеся иногда и в летопись, и в ней дававшие одни из самых ярких страниц, — даже и тогда русские послы продолжали попрежнему изустно передавать поручаемые им „речи“. Так, например, поп Василий, составивший блестящий отчет о своей диплома-

¹ Лаврентьевск. лет., 945 г.

² Там же, 971 г.

тической деятельности — живую, драматическую, психологически наблюдательную повесть об ослеплении Василька Теребовльского, — все посольские поручения выполнял исключительно устно. Устно же передавал поручаемые ему „речи“ и Петр Бориславич, также составивший подробный отчет о своей миссии к галицкому князю Владимирку.¹ В Ипатьевской летописи в изложении событий XII в. можно обнаружить фрагменты нескольких письменных отчетов послов о выполненных ими поручениях,² но передача „речей“ неизменно велась по заведенному исстари обычаю — устно.

Посольские „речи“ от лица князей настолько вошли в практику русской жизни, что летописец, нередко говоря о посольских „речах“, не упоминал о после, который эти „речи“ передавал. Отсюда очень часто при чтении русской летописи создается впечатление, что князья, разделенные огромными расстояниями, свободно переговариваются друг с другом. Так, например, Святослав Ольгович в 1149 г. передавал „речи“ послу Изяслава Мстиславича; летописец рассказывает об этом так, как будто бы Святослав обращался к Изяславу непосредственно: „И рече Святослав Ольгович к Изяславу Мстиславицю: «а вороти ми товара брата моего со што любо, а яз с тобою буду»“.³ Только из предшествующего и последующего изложения ясно, что „речь“ эта была передана Святославом через посла.⁴

¹ О попе Василии и Петре Бориславиче см. ниже в главе „Летописные обличительные повести о податических преступлениях князей“.

² Ср., например, в Ипатьевской летописи под 1147 г. отчет посла Изяслава, ездившего для переговоров к давидовичам в Чернигов.

³ Там же, 1149 г.

⁴ Так же точно Святополк и Владимир Мономах из разных мест обращаются к Олегу Святославичу в Чернигов так, как будто бы всех троих не разделяли никакие расстояния: „Святополк же и Володимер рекоста к нему: «да се ты ни на поганые идеши, ни на свет к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочеши, а бог промежи нами будеть»“ (Лаврентьевск. лет., 1096 г.). Речь эти были, конечно, составлены Святополком и Владимиром в результате предварительного сговора через послов, пере-

* * *

„Речи“ передавались послами в более или менее законченных формулировках. Формулировки эти запоминались и послами, и участниками переговоров. Они могли передаваться из уст в уста, как своего рода готовые официальные определения создавшейся ситуации. Вот почему и летописец в своих записях бережно сохранял эти формулировки, внося через них в летопись живую струю обыденной, не книжной речи.

Необходимо отметить, что уже самая процедура передачи „речи“ послу, а затем воспроизведения ее послом перед лицом, к которому она обращена, свидетельствует о стремлении к максимальной точности. Мы видели выше, что посол всегда передает поручаемые ему „речи“ в первом лице — от пославшего, а не от себя. „Речь“ посол предваряет словами „такоты глаголет“ или „такоты молвит“, — как бы подчеркивая ими „цитатный“ характер передаваемых слов. Посылающий, или отвечающий, требуя передать свои „речи“, также произносит их от своего лица и обращается не к послу, а непосредственно к тому, к кому его посылают.

На точность и продуманность формулировок указывает и ряд других косвенных признаков. Эти формулировки повторяются в переговорах, передаются из „речи“ в „речь“, их цитируют — следовательно считают установившимися и как бы закрепленными применительно к отдельным фактам.

Так, например, отпуская в 1151 г. венгров, Изяслав Мстиславич велел им передать венгерскому королю: „Бог ти помози, брате, оже нам еси тако помогл, толико можеть так учинити брат роженный или сын отцю, како же ты нам еси учинил“. Изяслав предупредил венгров, что отрядит вслед им особого посла к королю: своего сына Мстислава. Очевидно, что венгры не могли представлять личность Изяслава. И действительно, отпустив венгров, Изяслав, посоветовавшись с Вячеславом, от лица обоих посылает Мстислава, повторяя

сылавшихся между Киевом и Переяславлем (Русским), и через послов же переданы Олегу в Чернигов.

свои слова, уже переданные однажды через венгеров, но теперь в посольстве Мстислава облеченные официальностью: „и ты нама еси тако учинил, якоже может так брат роженный брату своему, или сын отцю, акоже ты нама помог“.¹

Другой факт свидетельствует о том, что отдельные формулировки посольской речи запоминались не только самим посланцем, но и теми, к кому они были обращены. Когда Владимир Мономах послал послов к Давиду и Олегу Святославичам (1097 г.), он передал следующие „речи“: „да поправим сего зла, еже ся створи се в Руськей земли и в нас, в братьи, оже вверже в ны ножь“.² Яркая образность этой формулы — „оже вверже в ны ножь“ — запомнилась и Давиду и Олегу. В свою очередь посылая к Святополку, они передают ему: „что се зло створил еси в Русьстей земли, и ввергл еси ножь в ны?“

Точность, с которой запоминались посольские „речи“, допускала иногда довольно длинное их цитирование. Так, например, киевский князь Вячеслав обратился к Юрию Долгорукому через посла с „речью“, в которой процитировал слова Изяслава Мстиславича.³

Правильность подобного рода цитирования поддается проверке. Так, например, когда в 1149 г. Изяслав киевский вел переговоры с сыном Юрия Долгорукого Ростиславом, он прислал к нему послов, и те передали Ростиславу следующие речи, в которых Изяслав вспоминал свои переговоры с ним, ведшиеся в 1158 г.: „се, брате, ты если ко мне от отца

¹ Ипатьевск. лет., 1151 г.

² Лаврентьевск. лет., 1096 г.

³ „Любо дай Изяславу чего ты хочешь, паки ли, амо [в Ипатьевской ошибочно „яз“] поиди полкы своими ко мне, заступи же волость мою; Изяслав ми то молвить: «ты ми буди в отца место, поиди сяди же в Киеве, а с Гюргем не могу жиги; не хочешь ли мене в любовь прияти, ни Киеву поидеши седеть, яв хочю во́лость твою пожечи»; ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог даст, любо добро, любо зло, паки ли, брате, не предеши, на мя не жалуи, аже моей волости пож[ж]ене быти“ (Ипатьевск. лет., 1149 г.).

пришел еси, оже отець ты приобидил и волости ти не дал; яз же ты приях в правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь дал, ако ни отець того вдал, что я тебе вдал, а еще есмь и Руской земли приказал стеречи тебе; а ты ти есмь рекл: се аз, брате, иду на отца твоего, а на своего стрья, а ты постережи Руской земли, любо ся с ним умирю, пагы ли, а како мя с ним бог управить“.¹

Набранные в разрядку места точно повторяют содержание речей Ростислава и Изяслава, занесенных в летопись под 1148 г. Когда Ростислав бежал от отца своего Юрия и явился в Киев к Изяславу, он сказал ему: „отець мя переобидил и волости ми не дал“,² а когда Изяслав отправился в поход на отца Ростислава Юрия, он оставил Ростислава в пограничном со степью Божеске, сказав ему: „пребуди же тамо доколе я схожу на отца твоего, а любо с ним мир възму, пагы ли, а како ся с ним улажу, а ты постережи земле Руской оттоле“.³

Как видно из этого примера, несмотря на то, что „речи“ послов прошли и через передачу летописца, и приводились (через год) по памяти Изяславом, — отдельные формулировки продолжали сохраняться, хотя порядок этих формулировок и оказался переставленным в этой тройной передаче (посла, Изяслава и летописца).

Об относительно точном воспроизведении речи послов в летописи свидетельствуют различные наблюдения. Характерно, например, что речи новгородских послов сохраняют весь свой северный новгородский колорит даже в передаче киевской летописи. Так, например, в Повести временных лет рассказывается под 1102 г., что новгородские послы (их несколько, как всегда от Новгорода) явились к киевскому князю Святополку и сказали ему: „се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хочем Святополка; ни сына его; аще ли

¹ Ипатьевск. лет., 1149 г.

² Там же, 1148 г.

³ Там же, 1148 г.

2 главе имеет сын твой, то пошли ѥ; сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас“.¹ Эта речь новгородских послов настолько насыщена типичными новгородизмами, что точность ее воспроизведения в стилистически иной — южной, киевской летописи не вызывает сомнений. В ней и характерная новгородская формула изгнания князя не принятая в других русских областях („а ты еси шел от нас“), и понятное только в устах новгородца определение „а въскормили есмы собе князь“, и типично новгородское пристрастие к грубоватым поговоркам: „аще ли 2 главе имеет сын твой то пошли ѥ“, и т. д.²

Итак можно думать, что и сами послы передавали поручаемые им „речи“ в более или менее устойчивой форме, и летописцы заносили их в свои летописи в той же почти дословной передаче. Летописец не выдумывал „речи“ послов, а записывал слышанное.

Устойчивость формы „речей“ послов, их донесений и отчетов была такова, что даже через многоустную передачу она сохранялась нередко неизменной.³ Так, например, сооб-

¹ Лаврентьевск. лет., 1102 г.

² Такая же точность в передаче новгородских „речей“ явственно ощущается в другой летописи — в киевском продолжении к Повести временных лет. Под 1148 г. в ней записан очень характерный для новгородцев ответ на обращение Изяслава Мстиславича. Новгородцы отвечали в формуле, характерной и понятной только для новгородцев и, следовательно, правдиво отраженной в Киевской летописи: „Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав! ради с тобою идем своих дея обид“ (Ипатьевск. лет., 1148 г.). Под Владимиром новгородский ответ разумел, очевидно, не Владимира Мономаха, а Владимира Ярославича, а под Мстиславом — Мстислава Владимировича, чья деятельность как новгородского князя была слабо отмечена в киевской летописи, но зато хорошо памятна самим новгородцам. Также типичен для новгородцев и другой их ответ, приведенный в Ипатьевской летописи под тем же годом несколько ниже: „княже! ать же поидем, и всяка душа; аче и дьяк, а гуменце ему пострижено, а не поставлен будеть, [и тьи поидеть, а кто поставлен, — так, Хлебниковск. сп.] ать Бога молить“ (Ипатьевск. лет., 1148 г.).

³ Речи послов запоминались точно не только на Руси. Такой же обычай существовал, повидимому, на Востоке. По поводу речи Атиллы, помещен-

щения русских летописей о первом появлении татар на границах Руси облетело все русские области и отразилось в летописях новгородской, Переяславля Русского, владимирской, ростовской и галицкой в более или менее сходной форме. И это сходство сохраняется даже в тех летописях, между которыми нельзя установить непосредственной письменной связи.

Мало того, сообщение о появлении татар достигло в том же году и западно-европейских стран и там отразилось в хрониках в формулах, опять-таки сходных с русской. Цезарий Гестербахский в 47 главе X книги своей хроники пишет о Калкской битве: „В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения руссов и истребил там весь народ унский: нам неизвестно, что это за народ, откуда идет и куда стремится“.¹ Ср. в Новгородской первой летописи по Синодальному списку: „Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша... мы же их не ведем, кто суть...“ „...и не съведем откуду суть пришли и кде ся деша опять; бог весть отколе приде на нас, за грехы наша“.²

* * *

Само собой разумеется, что „речи“, изустно передаваемые при переговорах, иногда очень сложных, могли точно запоминаться только при том условии, если самые формулировки отдельных обстоятельств дела отличались лаконизмом, выра-

ной у Иорнанда (главе 39), А. м. Тьерри пишет, что она сохранилась в точной устной передаче („Hist. d'Attila et de ses successeurs en Europe, I, p. 186). На Западе наизусть помнились законы (Э. Н. Берендс. Об источниках финляндского права, первая лекция по финляндскому праву, СПб., 1902; Melchior de Polignac. „Notes sur la littérature hongroise“, P., 1900 и др.).

¹ „Quaedam etiam gens anno praeterito intravit regna Ruthenorum et totam ibidem gentem Unam delevit: de qua nobis non constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat“. Ученые записки Академии Наук по I и III отдел., т. II, 1854, стр. 760.

² Цитировано по изданию 1888 г.

зительностью и в известной мере традиционностью формы, облегчавшей их понимание и их передачу.

Есть все основания думать, что еще в дописьменном периоде русской истории существовало высокое искусство устной речи: поэтической и деловой. В существовании искусства поэтической речи убеждает наличие фольклора, развитого и сложного; в существовании искусства деловой речи убеждает самый характер русской политической и социальной истории до XI в.: развитость норм обычного права, наличие обширных дипломатических сношений с соседними народами и между отдельными племенами.

Летопись донесла до нас многочисленные образцы различных типов устной речи. Яркую выразительностью, и в известной мере традиционностью, отличались, например, воинские речи, которыми русские князья перед битвой „подавали дерзость“ своим воинам.

Вот, например, речи князя Святослава своим дружинникам: „уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино“;¹ „уже нам некомо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Руские, но ляжем костьми, мертвии бо срама не имем...“ и т. д.² „Аще жив буду, [то] с ними, аще погыну, то с дружиною“, — говорит Вышата о своей дружине.³ „Потягнете, уже нам не лзе камо ся дети“, — говорит Святослав Ярославич перед битвой с половцами.⁴ „Да любо налезу собе славу, а любо голову свою; слою за Русскую землю“, — говорит Василько Теробовльский.⁵ „Луче, братье, измрем сде, нежели сесь [сей] сором възем на ся“, — говорит Изяслав Мстиславич черным клобукам.⁶ С такими же речами обращается к своей дружине и Игорь Святославич Новгород-северский перед

¹ Лаврентьевск. лет., 971 г.

² Там же.

³ Там же, 1043 г.

⁴ Там же, 1068 г.

⁵ Там же, 1097 г.

⁶ Ипатьевск. лет., 1150 г.

битвой с половцами: „братья! сего есмы искале, а потягнем“,¹ или: „Оже побегнемь, утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех сих выдавше поидемь; но или умремь, или живи будемь на единомь месте“.² „Братья моя милзя Русь! потягните за едино сердце“, говорит своим воинам Кондрат.³ Такие же речи встречаем и в Псковской летописи: „братия мужи псковичи, потягнете за святую Троицу и за святых церкви и за свое отечество“,⁴ или: „братие не посралим отець своих и дедов, кто стар той отець, кто млад той брат; се же, братие, живот и смерть нам предлежит; постражем за свой живот“.⁵

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной „воинской“ речи, о наличии традиционных формул, своеобразных воинских афоризмов. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в назывании их „братьями“, и отчетливое представление о воинской чести и чести родины, и мудрость воина.⁶ Но больше всего поражают они стройностью и исключительным лаконизмом выражения.

Своеобразие этого воинского ораторства станет особенно ясным, если сравнить приведенные выше обращения князей перед битвами с речью, произнесенной в аналогичных обстоятельствах епископом Митрофаном. Епископ Митрофан задался тою же целью — подбодрить людей перед решительным сражением, он выражает те же мысли о равнодушии к смерти, о необходимости мужественной защиты. Но речь его лишена и лаконизма, и искусства, привычного для князей: „Чада! — говорит Митрофан, — не убоимся о прельщеньи от нечестивых, и ни приемемь си во ум тленьяго сего и скороминующего житья, но ононь не скороминующемь житьи попечемься, еже

¹ Там же, 1185 г.

² Там же.

³ Там же, 1281 г.

⁴ Псковск. первая лет., 1230 г.

⁵ Там же, 1323 г.

⁶ Например, в словах Мстислава Ростиславича: „мы бо аще ныне умрем, умрем же всяко“, Ипатьевск. лет., 1178 г.

со ангэлы житье; аще и град нашъ пленше копиемь возмутъ и смерти ны предадутъ, аз о том, чада, поручьник есмь, яко венца нетленьнаа от Христа Бога примете".¹

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались и речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминающейся формуле. Образность и пословичность отличает эти вечевые обращения. В ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: „камо, княже, очюда позриши ты, тамо мы главами своими вьржем“.² Также энергична и речь посадника Твердислава на новгородском вече: „даже буду виноват, да буду ту мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, Господи“,³ и многие другие.

Можно привести много других случаев, в которых сама действительность настойчиво требовала высокой культуры устной речи. Вспомним речи, произносившиеся при клятвенных заверениях на кресте,⁴ речи на княжеских „снечах“ (съездах) и т. д.

По самому своему содержанию „речи“, передаваемые через послов, были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские, крестоцеловальные или даже произносившиеся на вече. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем, они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Дипломатическая практика XI—XIII вв. также соприкасалась со всеми областями жизни, как она соприкасается и сейчас. Тем сложнее были те задачи, которые

¹ Ипатьевск. лет., 1237 г.

² Новгородск. I лет., Синод. сп., 1214 г.

³ Там же, 1218 г.

⁴ Например, крестоцеловальные речи на Любечском съезде (Лаврентьевская лет., 1097 г.) ср. также Новгородск. I лет., Синод. сп., 1132 г.

ставились дипломатическому языку XI—XIII вв. и тем более блестяще они разрешались.

„Речи“, передававшиеся изустно через послов, были очень ответственным моментом политической жизни древней Руси. Чтобы не быть искаженными в устной передаче, они должны были хорошо запоминаться, быть в достаточной мере краткими и выразительными. Действительно, посольские „речи“, занесенные в различные списки русских летописей, во всех случаях отличаются высоким уровнем культуры устной речи в древней Руси.

Прежде всего поражает образность и лаконизм поручаемых послам „речей“.

„Аз уже бородат, а ты ся еси родил“, — вспоминает Вячеслав Киевский „речи“, переданные им Изяславу Мстиславичу.¹ „Оже есте мой Городецъ пожгли и божницу, то ся тому отъжгу противу“ — говорит Юрий Долгорукий Святославу Ольговичу.² Юрий Всеволодович следующим образом формулировал свое требование, переданное через новгородских послов: „выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка, Иванца, Радка; не выдадите ли, а я поил есмь коне Тьхверью, а еще Волховомь напою“.³ Не менее выразителен и лаконичен ответ Ярослава Всеволодовича новгородским послам: „мира не хотим, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо“.⁴

Особенное значение в посольских „речах“ имела всегда выразительная антитеза: „да еще [вам] любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо“,⁵ „а поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есмь в хрестьном целовании правы“,⁶ „годно ти ся с ним [Юрием] умирати, — умиришися паки

¹ Ипатьевск. лет., 1151 г.

² Там же, 1152 г.

³ Новгородск. I лет., Синод. сп., 1224 г.

⁴ Там же, 1216 г.

⁵ Лаврентьевск. лет., 1100 г.

⁶ Ипатьевск. лет., 1148 г.

⁹ Д. С. Лихачев

ли а рать зачнеши с ним“,¹ „аще ты ратен — си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же“,² и т. д.

Нелишне отметить, что и самое построение посольской „речи“ в известной мере отличается традиционностью. Так, например, если „речь“ посла содержала в себе описание существующих феодальных отношений, то оно всегда ставилось впереди, а предложение или требование, предъявляемые послом на основании этой констатации, — в конце „речи“.

Всеволод Суздальский прислал в Новгород к Мстиславу Мстиславичу следующие „речи“: „Ты ми еси сын, а яз тьбе отець; пусти Святослава с мужи, и все, еже заседел, исправи; яз гость пускаю и товар“.³ В 1186 г. владимирцы послали к Всеволоду следующее обещание: „ты отець, ты господин, ты брат; где твое обида будеть мы переже тебе главы своя сложим...“⁴ Иногда описание положения заменялось в начале речи ораторским вопросом: „пошто еси приехал и кто тя позвал? еди же у свой Чернигов“.⁵

Не следует думать, что посольские „речи“ на всем протяжении XI—XIII вв. оставались неизменными по своей форме; традиционность их претерпевала существенные изменения. Так, начиная с XII в., в связи с ростом христианского влияния в княжеском быту, заключительные концовки в требованиях ультимативного характера приобретают резко церковный оттенок: „што нам бог даст“;⁶ „не хоцещи ли того створити, а за всим бог“;⁷ „ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог дасть, любо добро, любо зло“;⁸ „а ка-

¹ Ипатьевск. лет., 1154 г.

² Лаврентьевск. лет., 1186 г. и т. д.

³ Новгородск. I лет., Синод. сп., 1210 г.

⁴ Лаврентьевск. лет., 1186 г.

⁵ Ипатьевск. лет., 1154 г.

⁶ Там же, 1149 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ко нам бог даст“;¹ „акоже ты с ним бог даст“;² „аь вси по месту видим, што явить ны бог“;³ а тогда како ны бог даст с ним“;⁴ „да бог за всим“;⁵ „оже бог даст“;⁶ „а то богови судити“;⁷ „како нам с ним бог даст“;⁸ „како ми с ним бог дась, да любо аз буду в Угорьской земли, любо он в Галичьской“;⁹ „а нам с королем с тобою како бог даст“;¹⁰ „како ны с ними бог даст и святая богородица“;¹¹ „но како ны бог даст“¹² и т. д., и т. п.

Итак, речи“, передававшиеся через послов при переговорах, речи „воинские“, речи, произносившиеся на вече, на княжеских снечах и т. д. обладали устойчивым содержанием и устойчивой формой. К устной речи в древней Руси выработалось особое отношение: устные речи, произнесенные в официальных обстоятельствах, могли носить такой же „документальный“ характер, какой теперь иногда носят письменные произведения. Посольские, воинские и вечевые речи обладали своеобразно высокой культурой.

Такое отношение к устной речи вынуждало и летописцев бережно соблюдать и содержание, и самые формулировки речей, произнесенных в официальных обстоятельствах. Таким образом, прямая речь, обильно включаемая в летопись, сохраняла элементы своеобразной высокой культуры устной речи. Сама действительность оказывала мощное влияние на летописную форму.

¹ Там же, 1150 г.

² Там же.

³ Там же, 1151 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 1152 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Лаврентьевск. лет., 1176 г.

¹² Ипатьевск. лет. 1185 г.

3. Диалог в летописи

Выше было установлено, что одна из самых характерных черт русской летописи — прямая речь, всегда обильная в летописи, всегда жизненно-реальная и только редко книжная; прямая речь эта зависела непосредственно от действительности, от тех форм устной речи, которые были выработаны в дипломатической, военной и вечевой практике XI—XII вв. Эта зависимость ощущается главным образом в речи монологической. Но русская летопись отличается также и превосходными диалогами: живыми, точными, сжатыми, употребленными к месту.

В отношении диалога можно установить, что он зависел не только непосредственно от действительности, но и от фольклора.

Среди тех фольклорных произведений, которые отразились в летописи, можно указать несколько, в самой основе которых лежит превосходный, очень „сценичный“ диалог. К таким остаткам исторического фольклора в летописи, в основе которых лежит диалогическая форма, принадлежат рассказы о трех мести княгини Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря.¹

Первая месть происходит на дворе у княгини Ольги. Между древлянами-сватами и Ольгой разыгрывается диалог: Ольга говорит иносказательно о мести, послы же древлян не понимают иносказательного языка Ольги и воспринимают лишь поверхностный, прямой смысл ее речей, считая их лишь традиционной свадебной обрядностью. „Добри гостье [т. е. купцы] придоша“² — иронически приветствует их Ольга. Послы не догадываются об ироническом смысле ее вопроса и простоудушно отвечают: „придохом, княгине“. Ольга спрашивает послов:

¹ Рассказ о четвертой мести (птицами), как известно, вставлен в текст летописи позднее — Нестором (см.: А. А. Шахматов. „Разыскания...“, стр. 3, 109 и др.).

² Здесь и ниже цитирую по Лаврентьевск. лет., 945 г.

„да глаголете, что ради придосте семо?“ Послы, не догадываясь вновь о коварстве Ольги, вновь же простодушно отвечают: „посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь наш за Мал“. Ольга притворно соглашается и обещает воздать послам величайшую честь: „Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити;¹ но хочю вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодьи величающесе, аз утро послю по вы, вы же рьцете: не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодье; и възнесуть вы в лодьи“. Этим предложением Ольги вводится центральный драматический момент диалога. Ольга как бы загадывает загадку: почтить кого-либо имеет затаенный смысл — убить кого-либо, совершить акт мести.² Вместе с тем такой же двойной смысл имеет и само передвижение по суку в ладьях: с одной стороны это знак величайшей силы, знак гордости (ср. ладьи Олега, двигавшиеся по суку к стенам Царьграда), с другой — это, очевидно, знак смерти (ср. описание погребения руса у Ибн-Фадлана: руса хоронят в ладье).³

¹ „Уже мне... не кресити“ — повидимому стереотипная формула отказа от родовой мести. Ср. в летописи под 1015 г. Ярослав говорит избившим его варяжскую дружину новгородцам, примиряясь с ними: „уже мне сих не кресити“ (Лаврентьевск. лет.). Затем в Ипатьевск. лет. под 1151 г.: долго плакал Изяслав над братом своим Владимиром, „рече Изяслав Давыдовичю: «сего нам уже не кресити»“. Дважды встречается эта формула и в Слове о полку Игореве.

² Ср. в Повести о Николе Заразском: пленные дружинники Евпатия Коловрата говорят Батыю: „... послани все ото князя Ингоря Ингоревича Рязанского тебе сильна царя почтити и честно проводитьи, и честь тебе воздати, да не подиви царю не успевати наливати чаш на великую силу татарскую“ (Рукопись Публичной библиотеки в Ленинграде, Погодинское собрание, № 1594, л. 48 об. Ср. также *Временник Моск. Общ. ист. и древн.*, кн. 15, М., 1852, стр. 17).

³ См.: „Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу“, перевод и комм. под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 81. В переводе всюду „корабль“, „хотя,— говорит переводчик,— в нашем представлении эти древ-

Таким образом, внешне обещая воздать послам величайшие почести, затаенно, в прикровенной форме Ольга обрекает их на смерть. Послы не понимают затаенного смысла этого предложения Ольги, — смысла, который, очевидно, должен быть понятен читателям (или слушателям) этого рассказа. Ольга как бы загадывает сватам загадку. Как это обычно бывает в сказках, женихи или сваты, не сумевшие разгадать загадки царевны-невесты, должны умереть.

Итак, послы древлян принимают предложение Ольги и уходят к своим злополучным ладьям. На утро Ольга посылает за ними посланцев. „Зоветь вы Ольга на честь велику“, — говорят древлянам посланные от Ольги. Выполняя совет Ольги и, тем самым, как бы сами идя навстречу своей участи, древляне отвечают: „не едем на коних, ни на возех [ни пеши идем],¹ понесете ны в лодьи“. Посланные соглашаются, — „нам неволя; князь нашъ убьен, и княгини наша хоче [хочет²] за вашъ князь“; древлян несут в ладьях. Чтобы увеличить комический эффект действия и подчеркнуть ошибку древлян, летописец прибавляет „они же седяху в перегибех в великих сустугах гордящися“. Древлян приносят на двор Ольги. Ольга сидит высоко в тереме. Перед теремом во дворе выкопана яма „велика и глубока“. В эту яму посланные Ольгой сбрасывают древлян вместе с ладьями. Ольга сходит с терема и, прикинув к яме, спрашивает послов, иронически продолжая свою загадку: „добра ли вы честь?“ Древляне на этот раз понимают Ольгу, но уже поздно. Они отвечают: „пущены Игоревы смерти“. Ольга велит засыпать их в яме живыми, завершая тем самым над ними и в самом деле обряд погребения, загадочно начатый несением в ладьях.

вне «ладьи» не являются собственно кораблями“ (вступительная статья, стр. 35).

¹ Слова, заключенные в скобки, взяты из Ипатьевск. лет., вся остальная цитация по Лаврентьевск. лет.

² Так в списках Радзивиловском и б. Московской духовной академии, № 5—182.

Таким образом, в основе первого рассказа о мести Ольги лежит загадка, — загадка, неразгаданная сватами и потому повлекшая за собою их смерть. Характерна сама форма этой загадки с выключением загадываемого предмета: „не... на конях, ни на возех, ни пеши, но понесете ны в лодьи“. Ср. аналогичную форму в загадках: „Умылся не так, приделся не так, и сел не так, и поехал не так, засел я в ухаб, не выехать никак“.¹ Отгадка этой загадки та же, что и в мести Ольги — похороны.

Сюжет об испытании жениха, или сватов жениха невестой-царицей распространен в сказках по всей Европе и Азии. Нет нужды перечислять их все. Обратим внимание лишь на самый тип загадки, который в нем встречается. Это опять-таки те же загадки с выключением загадываемого предмета. Сватам обычно предлагается „пойти ни конем, ни пешком“;² свагты говорят: „ночевали мы ни на земле, ни на телеге, по утра вставали, умывались ни водою, ни божьей росой, а утирались ни тканым, ни пряденым“.³

¹ Д. Садовников. „Загадки русского народа“, СПб., 1876, № 2121. Ср. еще №№ 239, 405, 459—461, 529, 749, 1446, 1622 и др.

² J. de Vries. „Die Märchen von Klygen Rätsellösern“, FFC, Helsinki, 1928, № 73, стр. 323.

³ Сюжет № 851 по классификации Аарне-Андреэва. Иносказания и околичности обычны в свадьбах. Они имели целью скрыть от злых духов и недоброжелателей истинный смысл происходящего. С целью обмана духов на свадьбах в сказках жениху или невесте предлагается явиться „ни нагой, ни одетой“ и испытуемый выполняет эту задачу являясь завернутым в рыболовную сеть, „ни пешком, ни на лошади“ и испытуемый является верхом на козе или козле, „ни по дороге, ни без дороги“ и испытуемый едет по колее вдоль дороги или по канаве, „ни днем, ни ночью“ и испытуемый является в сумерки или в полночь, в полнолуние или в новолуние и т. д. См. подробнее: Д. К. Зеленин. „Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии“, Сб. Муз. Антр. и Этн., т. VIII, 1929, стр. 23; Е. К. Кагаров. „Состав и происхождение свадебной обрядности“, Сб. Музея антр. и этн., т. VIII, 1929, стр. 161; Морева. „Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек“, Худож. фольклор, II—III, М., 1927.

Таким образом, несение в ладьях — это обряд и похоронный, и свадебный, загадка Ольги может быть разгадана и как угроза смерти, и как предложение женитьбы.

Вторая мечь Ольги по существу также представляет собой драматизированную загадку, хотя изложена она и кратче первой.

Первая загадка Ольги древлянам — ладья, вторая — баня. Вновь прибывают послы-сваты древлян, лучшие представители их рода. Как и в первом случае, Ольга обещает послам оказать величайшие почести: „повеле Ольга мовь створити, рькуще сице: «язмывшесея придите ко мне»“. Так же, как и в первом случае, послы древлян не понимают сокровенного языка Ольги. Они, „влезают“ в „ястопку“ и начинают мыться, но люди Ольги запирают послов в бане и сжигают их там. Вновь Ольга казнит смертью не сумевших разгадать ее загадки послов. Символический смысл понятия бани, как смерти, страдания, мести, причем страдания „добровольного“ был, как мне кажется, ясен на Руси в XI в. Напомню шутку апостола Андрея над моющими в бане новгородцами, приводимую в летописи: „и то творять мовенье себе, а не мученье“.¹

Третья загадка Ольги, заданная ею древлянам — пир. В этой третьей загадке драматическая ситуация нарастает. Ольга уже сама идет к древлянам, она ведет переговоры со всеми древлянами, а не с отдельными представителями. Она приглашает древлян на тризну по своему мужу. Она справляет эту тризну непосредственно на могиле мужа, и здесь во время пира убивает древлян. Ольга шлет к древлянам со следующим предложением: „се уже иду к вам, да пристройте меды многи в граде, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю тризну мужю своему“. Значение пира, как смерти, так же как и значение ладьи —

¹ Лаврентьевск. лет., вводная часть. С баней связана не только шутка апостола Андрея, но и космогония волхвов (в летописи под 1071 г.). В народных обычаях для покойников вытапливали печку, ставили воду и т. д.

смерти, бани — смерти основывается на обрядовой стороне русского язычества.¹ Несение в лодьях — первая загадка Ольги, она же и первый обрядовый момент похорон, баня для покойника — вторая загадка Ольги — второй момент похорон, тризна по покойнику — последняя загадка Ольги — последний момент похорон.

Ольга задает сватам загадки, имитируя обычную свадебную обрядность, но сама свадьба оказывается метафорой мести. Метафоричность свадебной обрядности оказалась надстроенной еще одной метафоричностью — похорон. Вот почему древлянские послы оказались несостоятельными перед „мудростью-хитростью“ „мудрейшей из всех людей“ Ольги.

Диалог, лежащий в основе летописного рассказа о мести Ольги, не стоит одиноко в летописи. Близок к рассказам о мести Ольги рассказ летописи о смерти Аскольда и Диры, также имеющий в своей основе диалог. Олег подплыл к киевским горам, притворившись купцом (враги-гости обычная средневековая метафора) и послал к Аскольду и Диру со словами: „яко гость [купец] есмь, идем в греки от Олга и от Игоря княжича; да придета к нам к родом своим“. Когда Аскольд и Дир пришли к ладьям, Олег и его воины вышли из лодей „и рече Олег Асколду и Дирови: «вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа»“.² Затем вынесли малолетнего

¹ Свод данных о языческих тризнах см. Н. М. Гальковский, „Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси“, т. I, гл. VI, Харьков, 1916. Метафору пир — смерть см. в Слове о полку Игореве: „ту кровавого вина не доста“ (ср. „пристройте меду многи“); ср. также в Новгородской первой летописи перед битвой со Святополком Ярослав посылает к своему стороннику во вражеском лагере спросить в загадочной, метафорической форме: „что ты тому велити творити: меду мало варено, а дружины много?“ И рече ему мужь ть: «рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру вьдати». И разуме Ярослав, яко въ ношь велити сецися“ (Новгородск. I лет., Синод. сл., СПб., 1888, 1016 г.).

² Лаврентьевск. лет., 882 г.

Игоря и сказали: „и се есть сын Рюриков“. После этой демонстрации истинного князя Аскольда и Дира убивают.¹

Менее отчетливо, но также диалогически разработаны в летописи сцены смерти Вещего Олега и Святослава. Как и в предшествующих четырех случаях — эти два эпизода также трактуют причину смерти как недостаток смысла. Вещий Олег не понял затаенного смысла прорицания волхва и умер от собственного коня. Святослав не послушался своего воеводу Свенельда и был убит у Днепровских порогов.

Диалогически разработанные состязания в „мудрости-хитрости“ могли быть связаны в фольклоре X—XI вв. не только с темой смерти. Дважды мы можем подозревать их в основе летописных рассказов о заключении мира. Мы имеем в виду рассказ 968 г. об обмене символическими подарками между воеводой Претичем и печенежским князем и рассказ 971 г. о заключении мира между Святославом и греческим императором. Особенно характерен последний рассказ. После победы Святослава греческий „царь“ созвал к себе „в полату“ всех своих бояр и обратился к ним с вопросом: „што створим, яко не можем противу ему [т. е. против Святослава] стати?“² И ответили ему бояре: „посли к нему [т. е. к Святославу]

¹ Так же точно в сагах, в былинах (например, о Глебе Володьевиче) очень часто перед убийством происходят диалоги с убиваемым (иногда также в форме загадывания загадок) с целью переложить вину в смерти на самого убиваемого (не для того ли, чтобы избавиться от мести рода или духов рода?). В договоре Игоря 945 г. русские таким образом отказываются от мести за себя в случае своей гибели за неисполнение договора: „Аще ли же кто... преступит се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоин своим оружьемь умрети“ (Лаврентьевск. лет., 945 г.). Ср. там же: „И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь... да не ущитяся щиты своими, и да посечени будуть мечи своими, от стрел и от иного оружья своего“ (Лаврентьевск. лет., 945 г.). Ср. в договоре Святослава: „и своим оружьемь да исечени будем“ (Лаврентьевск. лет., 971 г.). В этом пункте договоров видим объяснение основанных на том же поверье, фольклорных в своей основе, летописных рассказов о гибели от своей дани — меча — хазар, о кончине от своего коня Олега, о смерти по собственной недогадливости древляя и т. д.

² Лаврентьевск. лет., 971 г.

дары, искусим ѿ, любьзвив ли есть злату, ли паволокам?¹ И послал царь к Святославу „мужа мудра“ с золотом и с паволоками, наказав ему: „глядай взора и лица его и смысла его“. Святослав, узнав о приходе послов, сказал: „въведете я семо“. Послы вошли к Святославу, поклонились и положили перед ним золото и паволоки. Но Святослав, „кроме зря“, т. е. не взглянув даже на дары, сказал отрокам: „схороните“ (спрячьте). Посланные вернулись к царю. Вновь созвал царь своих бояр и поведали посланные: „яко приходом к нему, и вдахом дары, и не зре на ня, и повеле схоронити“. Тогда один из бояр посоветовал: „искуси и [т. е. его] еще, посли ему оружие“. К Святославу принесли „мечь и ино оружие“, „он же, прим, нача хвалити, и любити, и целова (приветствовал) царя“. Послы вернулись к царю и рассказали ему все, что произошло. И сказали бояре: „лют се мужь хоче быти, яко именья [богатства] не брежетъ, а оружие емлетъ; имися по дань“. После этого царь послал к Святославу со словами: „не ходи к граду, возми дань, еже хоцещи“. Святослав взял дань не только на всех своих воинов, но и на убитых, а затем вернулся в Переяславец „с похвалою великою“.

Нет нужды анализировать все случаи отражения в летописи фольклорных диалогов. Для нас важны не они сами по себе, а то, как фольклорный диалог повлиял на летописный. И надо признать, что летопись дает этому богатый материал.

Удивительно ясный, мастерски веденный и драматически законченный диалог русской летописи явился первоначально лишь в пересказах произведений народной словесности. Весьма показательно в этом отношении, что вслед за диалогическим рассказом о смерти Вещего Олега в развитие своей мысли о знании волхвами будущего, летописец приводит сведения о волхвах греческих, — сведения, явно почерпнутые в книжных источниках, но ни диалога, ни прямой речи вообще в них нет.

Таким образом, диалог вошел в летопись из произведений устного творчества. Очень быстро диалог входит в литера-

¹ Так в списках Радзивиловском и б. Московской духовной академии № 5-182; в Лаврентьевской летописи — „павокам“.

турную практику летописцев, самостоятельно его разрабатывающих. При этом диалог, вводимый летописцами в свой рассказ, явно зависит по своей форме от диалога фольклорного. В самом деле, стоит сравнить фольклорный диалог между Сльгой и сброшенными ею в яму послами с диалогом Яна Вышатича и белозерских кудесников — вполне историчным¹ и отнюдь не фольклорным, чтобы ясно представить себе зависимость второго от первого.

Оба диалога „предсмертные“. Ян говорит с кудесниками перед тем, как их убить, изобличая в них отсутствие всё той же „мудрости-хитрости“. Обличив верования кудесников, Ян предупреждает их: „вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо“. Кудесники отрицают возможность своей смерти: „нама бози поведаютъ — не можеша нама створити ничтоже“. Вновь настаивает Ян: „лжють вама бози“. Вновь отрицаются кудесники: „нама стати пред Святославом, а ты не можьшь створити ничтоже“. Чтобы убедить кудесников в своей власти, Ян приказал бить их, дергать за бороды, а затем вновь спросил их: „что вама бози молвятъ?“ Кудесники ответили, по-прежнему настаивая на своем: „стати нам пред Святославом“. Тогда Ян повелел вложить им в рот рубль,² привязать к „упругу“ и пустил их перед собою в ладье. На устье Шексны в последний раз иронически спросил Ян волхвов: „что вам бози молвятъ?“ Только на этот раз кудесники поняли свое положение: „сице нама бози молвятъ, — не быти нама живы от тебе“.

В диалоге Ольги с послами древлян смерть последних наступает немедленно после признания ими своего бессилия. Диалог же Яна с кудесниками продолжается и дальше. Ян

¹ Рассказ о белозерских кудесниках, как указано А. А. Шахматовым („Разыскания...“, стр. 443 и др.) записан в летопись непосредственно со слов участника событий — Яна Вышатича. Цитирую по Лаврентьевск. лет., 1071 г.

² Как указал мне Л. А. Мацулевич, вкладывание рубля в рот могло означать приготовление к смерти: серебро вкладывали обычно в рот покойнику.

иронически подтверждает „правоту“ богов: „то ти вама право поведали“. Кудесники пытаются вымолить себе жизнь; „но аще на [т. е. нас] пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю [т. е. нас] погубиши, многу печаль приимеши и зло“. Но Ян не боится угроз языческой религии и опирается на верования христианства: „аще ваю [вас] пушю, то зло ми будеть от бога; [аще ли вас погублю, то мзда ми будеть¹]“. После этого, чтобы выгородить себя из круга родовой мести, Ян предлагает, чтобы кудесникам мстили родственники убитых: „И рече Янь повозником: «ци кому вас кто родин [родственник] убьен от сею». Они же реща: «мне мати, другому сестра, иному роженье». Он же рече им: «мьстите своих». Они же поимше, убиша я и повесяша е на дубе“.²

Повешенные на дереве и съеденные медведем трупы волхвов служат наглядным доказательством отсутствия в волхвах „вещей“ силы и посрамления их „мудростью-хитростью“ христианина Яна: „И тако погыбнуста наущением бесовским, инем ведуща и гадающа, а своя пагубы не ведуща“.

Сравнительно с фольклорными по своему происхождению диалогами — диалог Яна с кудесниками отличается меньшей лаконичностью и меньшей композиционной стройностью. Начало его чрезмерно растянуто повторными вопросами Яна и ответами кудесников, не вносящими ничего нового. Смерть кудесников оттянута попытками кудесников угрозами избавиться от смерти. Самое важное отличие диалога Яна с кудесниками от диалогов, например, Ольги с послами древлян состоит в том, что в основе его нет уже элемента загадки, метафорического языка, состязания в обмане. Замечательно при этом, что все остальные функции диалога сохраняются. Так, же как и Ольга, Ян вынуждает кудесников признать свое поражение в „мудрости“, но на этот раз не в способности разгадывать загадки, а в отсутствии дара предвидения буду-

¹ Так в списках Радзивилловском и б. Московской духовной академии № 5—182.

² Лаврентьевск. лет., 1071 г. — здесь и ниже.

щего. Вырывая у кудесников это признание, Ян также стремится как бы сделать их самих виновниками своей смерти.

В фольклорных диалогах победа одной стороны над другой обусловлена обманом: Ольга побеждает послов — древлян, потому что те не поняли ее загадочного, метафорического языка. Победа же Яна над кудесниками объясняется летописцем иначе: общею несостоятельностью язычества. В диалоге Яна и кудесников спорят представители двух мировоззрений. Превосходство христианства над язычеством обуславливает собой победу Яна. Кудесники оказались несостоятельными не „на словах“, а на деле; не в своей способности разгадать язык противной стороны, а в своих верованиях: они не смогли предвидеть своего будущего, и боги за них не заступились. Смысл диалогов Ольги и древлян не требует особых разъяснений — он весь „на поверхности“, он традиционен в обусловивших его представлениях; смысл же диалога Яна и кудесников потребовал от летописца специального заключительного объяснения о преимуществах христианства перед язычеством.

Близок к диалогу Яна с белозерскими кудесниками диалог новгородского князя Глеба с волхвом — главарем восставших язычников.¹ Спрятав топор под одеждой, Глеб подошел к волхву и просил его: „то веси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?“. Волхв ответил утвердительно: „проведе вся“. Глеб вновь спрашивает волхва „то веси ли, что хощеть быти днесь?“. Волхв ответил: „Чюдеса велика створю“.² Тогда Глеб вынул топор и разрубил волхва. Волхв упал мертв, и восставшие разошлись.

Таким образом, диалог, обильно представленный в русском фольклоре X—XI вв., оказал огромное влияние на блестящий диалог русской летописи, подобного которому не знает ни византийская анналистика, ни западная.

Прямая речь византийских хроник почти всегда моногична и, если в ней и встречается диалог, то он не пред-

¹ Диалог этот также записан либо на основании рассказа самого Глеба, либо Яна Вышатича.

² Лаврентьевск. лет., 1071 г.

ставляет никаких аналогий к энергичному и отчетливо „сценическому“ диалогу русских летописей. Зависимость последнего от фольклора X—XI вв. несомненна. В начале диалог встречается в летописи только в передаче фольклорных произведений (например, в рассказе о трех местах Ольги), затем диалог почти в той же форме переходит и в передачу реально имевших место событий — в летописные записи рассказов их очевидцев и участников (Яна Вышатича, князя Глеба).

* * *

Итак, одна из самых характерных черт русской летописи, особенно первоначальной, — обилие в ней прямой речи, диалогов, живая связь с фольклором. Черта эта выработалась в летописи под властным влиянием самой жизни. Первоначально образование летописи было связано с произведениями церковно-житийной и церковно-учительной литературы, однако очень быстро (через какие-нибудь два десятка лет) русская летопись вступает на путь совсем иного развития. Она формировалась под влиянием разнородных факторов, но все эти факторы крылись в реальной действительности, в веками сложившихся обычаях и в фольклоре и лишь очень немногие имели отношение к инородной болгарско-византийской книжной традиции. Ниже мы увидим этому положению и другие подтверждения: русская летопись и русская жизнь были самым крепким образом связаны на всем протяжении. Именно этой связью следует объяснять удивительную живучесть летописания и его способность отвечать на самые разнообразные запросы русской действительности.

Выше мы видели, что еще до образования письменных летописей на Руси существовали своеобразные „устные летописи“ знатных родов. Одну из таких „устных летописей“ — „летопись“ рода Яна Вышатича и Вышаты донесла до нас в своем составе Повесть временных лет. В XI в. эти устные родовые летописи уже выказывали тенденцию выйти из узких пределов только родовых преданий и стать устной историей всей страны.

Под влиянием самой жизни сложился язык летописи: простой и доступный в основной своей части. Он образовался на основе развитой традиции устного языка своего времени. Летопись бережно донесла в своем составе многочисленные образцы различных типов устной речи. Свои традиционные формы имели речи, которыми князья „подавали дерзость“ своим воинам перед битвой. Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались речи, произносившиеся на вече. Но особенное значение для летописи имели речи послов. „Речи“ передавались послами устно в более или менее законченных формулировках. Формулировки эти запоминались и послами и участниками переговоров. Они могли передаваться из уст в уста, как своего рода готовые, официальные определения создавшейся ситуации. Вот почему и летописец в своих записях бережно сохранял эти формулировки, внося через них в летопись живую струю обыденной, не книжной речи.

Наконец, фольклор XI в., с его развитым, выразительным диалогом, оказал живое воздействие на форму летописи. Под влиянием традиционных черт фольклорного диалога выработался и диалог летописи.

Впоследствии форма летописи, ее стиль, характер работы летописателей постоянно менялись. Они были различны в зависимости от того, в чьих руках находилось летописание и чьим целям оно служило, но всегда и всюду в период своего расцвета летописание находилось под определенным воздействием бытия. Воздействие чисто литературное было второстепенным и лишь на пороге прекращения центрального ствола летописания, как это мы увидим ниже, начало вызывать в нем существенные изменения.

